

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Фадеев

Многие, иногда очень крупные и известные зарубежные буржуазные историки, занимающиеся историей России, на разные лады варьируют тезис об извечном якобы стремлении русской нации к мировому господству. При этом они не считают зазорным для себя время от времени пользоваться явными фальшивками, такими, например, как пресловутое «Завещание» Петра Великого, утверждая, что этот русский царь предназначал будто бы своим преемникам планы завоевания Европы, а затем и мирового господства¹.

Приписывая агрессивные цели одной лишь русской дипломатии, зарубежные фальсификаторы истории стараются представить внешнюю политику своих государств, наоборот, как «оборонительную» и «миролюбивую» на всем протяжении их существования. Они заявляют, например, что Наполеон вел не завоевательные, а «оборонительные» войны, отстаивая, так сказать, «естественные» границы Франции². Они продолжают и теперь, как и сто лет назад, утверждать, что единственной целью политики Англии и Франции в «восточном вопросе» была будто бы «защита территориальной целостности Османской империи»³ и что национально-освободительные движения балканских народов были не чем иным, как результатом «происков России»⁴.

Советские историки неуклонно разоблачают в своих статьях, обзорах, лекциях подобные фальсификаторские теоремы. Но наша историческая литература, к сожалению, насчитывает еще очень мало серьезных монографических исследований по истории внешней политики России и международных отношений. Особенно мало работ, освещающих события второй половины XVIII — первой половины XIX века. Широкую известность получил двухтомный труд акад. Е. В. Тарле о Крымской войне⁵, положительную оценку получила книга Е. И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мире⁶, интересны некоторые главы изданной 17 лет назад и потому во многом устаревшей «Истории дипломатии»⁷. Однако этого, конечно, совершенно недостаточно для глубокого научного исследования основных проблем истории внешней политики России в указанный период. Этот участок исследовательской работы заслуживает гораздо большего внимания.

¹ Подробнее об этом см. Е. Н. Данилова «Завещание» Петра Великого. «Труды» Историко-архивного института. Т. 2. М. 1946, стр. 205.

² См., например, сочинение французского историка Альбера Сореля «Европа и французская революция». Т. I—VIII (русский перевод). СПб. 1906—1908.

³ См. F. E. Baily. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge. 1942.

⁴ Так освещает эту тему, между прочим, John de Stuers в книге «La route de Byzance», изданной в 1950 г. в Женеве.

⁵ Е. В. Тарле. Крымская война. Т. 1—2. М. 1950.

⁶ Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир. М. 1955.

⁷ «История дипломатии». Т. I. М. 1941.

Для того, чтобы избежать поверхностного и объективистского освещения внешнеполитических событий, чтобы вскрыть их подлинную историческую сущность, большое значение имеет, на наш взгляд, установление правильной периодизации истории внешней политики России путем выделения важнейших периодов на основе их социально-экономических признаков.

При таком подходе внешняя политика царской России со второй половины XVIII и до середины XIX столетия может быть выделена в особый период, имевший свои характерные черты, весьма существенно отличавшие его от предшествовавшего и от последующего времени. Определялись особенности русской внешней политики данного столетия прежде всего тем, что для России это был период разложения и кризиса крепостнической системы.

Выявить наиболее существенные для данного периода направления внешней политики царизма и показать их связь с процессами внутреннего развития России, а также раскрыть объективно-историческое значение некоторых внешнеполитических акций царского правительства — такова основная задача настоящей статьи.

Решая эту задачу, автор исходит из известного марксистско-ленинского положения о неразрывной связи внешней политики с внутренней, о зависимости внешней политики от расстановки классовых сил и от классовой борьбы внутри страны. В. И. Ленин всегда подчеркивал: «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики»⁸.

Сфера внешней политики, на первый взгляд, распространяется лишь на отношения между государствами и нациями, но в действительности внешняя политика любого государства является продолжением его внутренней политики, то есть в конечном счете также выражает интересы господствующего класса. Именно это обстоятельство всячески пытаются затушевать представители современной буржуазной историографии.

В. И. Ленин, разоблачая «легалъного марксиста» П. Б. Струве, указывал, что для буржуазных объективистов характерны рассуждения об «исторической необходимости» вообще при замалчивании роли классов и классовой борьбы в осуществлении этой необходимости. В. И. Ленин писал: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, а к о й и м е н н о к л а с с определяет эту необходимость»⁹.

Забвение принципа классового анализа является серьезным отступлением от марксистско-ленинской методологии и неизбежно увлекает исследователя на путь объективизма и приукрашивания истории.

Начиная со второй половины XVIII в. Россия переживала усиливавшийся с каждым десятилетием процесс разложения феодально-крепостнического строя. Особенно резко это сказывалось во внутренних губерниях империи, где к тому времени уже почти полностью были исчерпаны возможности для дальнейшего поступательного развития феодальной экономики. В условиях расширявшихся рыночных связей и товарно-денежных отношений крепостное помещичье хозяйство приобретало все более предпринимательский характер. Стараясь повысить доходность своих имений, помещики усиливали эксплуатацию крестьян, что вызывало растущее со-

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 67.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 380.

противление последних и неизбежно вело к массовым волнениям и восстаниям.

Русские дворяне в поисках выхода из такого положения пытались расширить сферу крепостнической эксплуатации. Еще в XVIII в. под влиянием крестьянских волнений 60-х годов у крепостников-помещиков усилился интерес к освоению степных окраин на юго-востоке империи. Наряду с расширением посевных площадей на юге центрально-черноземной зоны, в Курской и Воронежской губерниях, русские помещики приобретали новые владения на Украине и в Донской области.

«Многие помещики время от времени вывозят крестьян своих в Воронежскую и Белгородскую губернии и селят в степных уездах...»¹⁰, — писал в 1766 г. А. Т. Болотов.

Во второй половине XVIII в. черноземный центр и прилегавшие к нему с юга степные районы стали основной земледельческой областью страны.

Малонаселенные степные окраины издавна служили резервом русского феодализма, обеспечивая его развитие не только вглубь, но и вширь. «Огромные земельные резервы, сравнительно легко доступные переселенцам, манившие их плодородием почвы и мягкостью климата, способствовали постепенному разрежению населения в историческом центре, смягчая этим остроту его классовых противоречий и в то же время распространяя феодальные отношения на новые незанятые территории»¹¹.

Не удивительно, что это стремление к распространению феодальных отношений на новые территории усилилось у помещиков с началом разложения крепостного хозяйства во внутренней России. Практическим выражением развития феодализма вширь была тенденция к заселению и освоению широкой степной полосы, тянувшейся от нижнего течения Днепра до реки Яика. Но вся эта территория была с юга совершенно открыта для вторжений кочевников, подстрекаемых крымскими ханами, единственными из уцелевших к тому времени наследников Золотой Орды. Еще в середине XVIII в. крымские ханы «приключали России чувствительный вред и обиды частыми набегами, пленением многих тысяч жителей, отгоном скота и грабежом имения из областей российских, из которых многие вконец разорены и опустошены были»¹².

Соседнее Крымское ханство было опасным для России еще и потому, что оно находилось в вассальной зависимости от султанской Турции. Это был главный бастион владычества турецких султанов в Северном Причерноморье. Канцлер М. И. Воронцов был прав, когда подчеркивал в цитированном выше докладе: «Полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России»¹³. Поэтому освоение русскими помещиками степных окраин было невозможно без прочного обеспечения внешней безопасности южных границ империи. Но решение этой задачи было связано с вопросом о будущем Крымского ханства и турецких владений на северном побережье Черного моря.

Черноморская проблема интересовала царскую дипломатию и по другим причинам. В условиях развития товарно-денежных отношений и расширения рыночных связей русские помещики не могли оставаться безразличными к тому, куда и каким образом они будут сбывать продукцию своих новых степных имений. Еще в середине 60-х годов XVIII в. помещики Слободской Украины жаловались, что им некуда вывозить хлеб,

¹⁰ «Труды» Вольного экономического общества. Ч. 2. СПб. 1766, стр. 197.

¹¹ Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. М. 1955, стр. 10.

¹² Из доклада М. И. Воронцова «О Малой Татарии» (1762 г.). Цит. по Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 65.

¹³ Там же, стр. 66.

так как «в близости сих стран никакого порта нет»¹⁴. В Комиссии по составлению нового Уложения (1767 г.) слышались голоса о том, что «торговый путь через одно только Балтийское море недостаточен для всей Российской империи»¹⁵. Комментируя эти заявления, Е. И. Дружинина, специально изучавшая данный вопрос, справедливо указывает, что с решением черноморской проблемы была связана «очень важная экономическая задача», которая «заключалась в открытии выхода к Черному морю для вывоза растущей сельскохозяйственной и промышленной продукции России»¹⁶.

Следовательно, успешное освоение степных окраин и распространение на эти территории феодальных отношений зависело, во-первых, от укрепления внешней безопасности открытых южных границ империи, а во-вторых, от обеспечения свободного доступа к Черному морю, необходимого для сбыта продукции подвергавшихся колонизации новых и отчасти центрально-черноземных районов империи.

В результате русско-турецкой войны 1768—1774 гг. обе эти задачи не были решены полностью. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия приобрела доступ к Черному морю только в устье Днепра, в Керчи и Ени-кале, а вся остальная территория Северного Причерноморья осталась во владении Крымского ханства. Правда, формально Крымское ханство было объявлено независимым от Турции, но фактически оно оставалось в сфере политического влияния султанской дипломатии.

Между тем напугавшая русских крепостников-помещиков крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева убедительно показала, что дальнейшее усиление феодальной эксплуатации крестьянских масс во внутренних губерниях страны чревато серьезными последствиями. Не случайно со второй половины 70-х годов XVIII в. русские дворяне стали проявлять особенный интерес к освоению степей Южной Украины, Поволжья и Предкавказья. Поощряя эти стремления к развитию феодализма вширь, Екатерина II щедро раздавала здесь земли своим сановникам, генералам и чиновникам. Только в степях Предкавказья с 1774 по 1788 г. было роздано помещикам свыше 235 тыс. десятин. Наиболее крупные «пожалования» получили князь А. А. Вяземский (127 тыс. десятин), князь Г. А. Потемкин (30 тыс. десятин), граф А. Р. Воронцов (16 тыс. десятин)¹⁷.

Для обеспечения внешней безопасности новых владений русских дворян правительство укрепляло южные границы империи, воздвигая крепости и сооружая в степях кордонные линии. В 1777 г. для прикрытия с юга Степного Предкавказья было начато строительство Азово-Моздокской линии. Позднее, в 1783 г., правый фланг этой линии был выдвинут от устья Дона к устью Кубани, после чего эта цепь укреплений, протянувшаяся от Каспийского до Черного моря, стала именоваться Кавказской линией.

Интересы новых феодальных хозяев степных губерний, тяготевших к Черному морю, настоятельно требовали более полного разрешения черноморской проблемы. Это заставляло царизм активизировать свою внешнюю политику в районе Черного моря. В результате новой войны с Турцией по Ясскому миру 1791 г. все Северное Причерноморье, от устья Днестра до Таманского полуострова, включая присоединенные ранее (в 1783 г.) Крым и Прикубанье, отошло к Российской империи. Это способствовало новым успехам колонизаторской политики царизма, имевшей своей целью распространение крепостнических отношений на новые территории.

¹⁴ «Труды» Вольного экономического общества. Ч. 8. СПб, 1768, стр. 80.

¹⁵ Е. И. Дружинина. Указ. соч., стр. 63.

¹⁶ Там же, стр. 64.

¹⁷ Государственный архив Ставропольского края, ф. 298, оп. 1, д. 1389, лл. 6—50. «Описание землям Кавказской области, помещиками владеемым».

В Одесском уезде за 16 лет (1792—1808) было роздано помещикам 550 тыс. десятин¹⁸. В четырех уездах Херсонской губернии помещики получили 1 638 800 десятин, что составляло 75% площади, отведенной правительством для заселения¹⁹.

Идя навстречу помещикам, царское правительство проводило ряд мероприятий, способствовавших распространению крепостного права на завоеванных территориях и укреплению феодальных порядков на окраинах. Еще в 1763 г. был подтвержден гетманский универсал 1760 г., запрещающий украинским крестьянам переселяться с места на место без письменного разрешения владельца²⁰. Указом 1783 г. было окончательно оформлено прикрепление крестьян к земле в пределах Левобережной Украины²¹. Наконец, в 1796 г. был запрещен «самовольный переход крестьян» в Новороссию, то есть Южной Украине, Крыму и Предкавказье²². Одновременно были ликвидированы последние остатки автономного устройства Украины, подверглась разгрому Запорожская Сечь, служившая центром притяжения беглых украинских крестьян, было уничтожено казачье самоуправление на Дону.

Присоединения, осуществленные царизмом во второй половине XVIII в., были весьма значительными. Представление об их масштабах дают следующие сведения: население Российской империи с 1742 по 1796 г. увеличилось на 20 млн. человек, в том числе за счет территорий, приобретенных в результате войн, на 7 миллионов²³. Из этих 7 млн. сотни тысяч стали крепостными русских помещиков, а остальные должны были нести груз различных платежей и повинностей в пользу феодального государства. Иными словами, все новые подданные Российской империи оказались в сфере феодальной эксплуатации со стороны русского дворянства.

Таким образом, внешняя политика царизма во второй половине XVIII в. отражала интересы господствовавшего класса крепостников-помещиков, стремившихся в условиях начавшегося разложения крепостного хозяйства к расширению сферы феодальной эксплуатации. В результате царская внешняя политика имела резко выраженный завоевательный характер. Такой же характер имели и войны царской России, являвшиеся продолжением этой политики.

Конечно, война — сложное и противоречивое явление. В ней участвуют представители различных классов. Они по-разному относятся к войне, ждут от нее различных результатов. Но если речь идет о войне между государствами, то определяющими являются экономические и политические цели господствующих классов воюющих держав. «Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия»²⁴.

Однако, анализируя итоги русско-турецких войн во второй половине XVIII в., нельзя ограничиться указанием только на это обстоятельство. Нельзя, подобно М. Н. Покровскому, утверждать, что «и турецкие войны, и крестьянские переселения служили одной цели: поддержанию устаревшего типа народного хозяйства»²⁵. Такая односторонняя оценка совершенно игнорирует объективно-исторические последствия рассматриваемых событий.

¹⁸ «Материалы для географии и статистики России», собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Сост. А. Шмидт. СПб. 1863, стр. 43.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в.». М. 1956, стр. 532.

²⁰ «История Украины». Т. I. Киев. 1953, стр. 367.

²¹ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. XXI, № 15724, стр. 907.

²² ПСЗ. Т. XXIV, № 17638, стр. 233.

²³ «Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 7.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 364.

²⁵ М. Н. Покровский. Внешняя политика. Сборник статей. М. 1919, стр. 25.

Прежде всего нельзя не признать, что в ходе русско-турецких войн данного периода решались не только вопросы, интересовавшие эксплуататорские классы, но и некоторые общенациональные задачи. Так, от нашествий и набегов, организованных крымскими ханами и турецкими пашами, страдали не только русские и украинские помещики, но и широкие массы трудящегося населения Украины, Подолия и Поволжья. Достаточно вспомнить о нашествии Крым-Гирея в 1769 г., когда были сожжены сотни населенных пунктов и опустошены целые обширные районы Степной Украины вплоть до Бахмута и Елисаветграда, уведены в рабство тысячи украинских и русских крестьян²⁶.

Эти факты свидетельствуют о том, что во внешней политике России наряду с интересами господствующих классов в определенных исторических условиях объективно находили в какой-то степени отражение также интересы общенациональные. Конечно, каждый класс, каждая социальная группа по-своему понимали национальные задачи. Самое же главное заключалось в том, что внешнюю политику царской России направляло правительство, которое рассматривало национальные задачи сквозь призму классовых интересов крепостников-помещиков.

С ликвидацией Крымского ханства был уничтожен очаг грабительских набегов на русские и украинские земли. С падением турецких крепостей в Северном Причерноморье (Очакова, Хаджибея и других) были освобождены устья Дона, Днепра и Буга. Обитавшее в бассейнах этих рек славянское население получило свободный доступ к морским просторам. Конечно, это отвечало национальным интересам русского и украинского народов, способствовало их дальнейшему экономическому и культурному развитию. В одобренных ЦК КПСС «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией» говорится, что освобождение южных украинских земель от иноземного владычества «сыграло огромную положительную роль в развитии производительных сил всей страны, получившей ранее недоступный для нее выход к морю»²⁷.

Как известно, турецкие султаны не желали уступать захваченные ими земли Северного Причерноморья, а потом, потеряв эти территории в результате военных поражений, настойчиво старались вернуть их. При этом речь шла о таких территориях, которые были издавна заселены славянским, а никак не турецким населением.

В течение многих веков в причерноморских и предкавказских степях господствовали крымские ханы и ногайские мурзы, и все это время обширные пространства плодородных земель оставались «диким полем», почти не знавшим оседлой земледельческой культуры, не имевшим ни городов, ни хороших дорог, ни оборудованных морских портов. После присоединения к России этой территории она стала быстро заселяться и превратилась в один из важнейших производительных районов страны.

В результате трудовых усилий русских и украинских крестьян, заселивших причерноморские и предкавказские степи, экономический облик района преобразился. Началась распашка целинных земель. К началу XIX в. в пределах Южной Украины было распахано 800 тыс. десятин, а затем, к 60-м годам, — уже 6 млн. десятин²⁸. Свыше миллиона десятин было поднято к середине XIX в. в Предкавказье²⁹. Возникла и быстрыми темпами стала расширяться новая отрасль степного животноводства — разведение тонкорунных овец. Центрами развивавшейся торговли и промышленности становились новые города — Херсон, Екатеринослав, Одес-

²⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 28, стр. 565.

²⁷ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)». Госполитиздат. 1954, стр. 11.

²⁸ «История Украины». Т. I, стр. 417.

²⁹ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии». СПб. 1851, стр. 194; «Кубанские войсковые ведомости». 1868, № 23.

са, Ставрополь, Ростов-на-Дону, поднимавшиеся в полном смысле слова на пустом месте. Колонизация Причерноморья, строительство портовых городов, расширение внешней торговли через черноморские порты — все это вызывало экономическое оживление не только в пределах Украины и Донской области, но и в соседних губерниях Черноземного центра и Белоруссии. По Дону и Днепру спускались к морю баржи с зерном и другими продуктами из Воронежской и Курской губерний³⁰.

Особенно важно отметить, что экономический прогресс в районах Степного Юга был достигнут вопреки крепостнической политике царизма. Несмотря на все усилия царского правительства и его администрации, было невозможно совершенно пресечь свободу передвижения крестьян в малоосвоенных степных районах. Не оправдывало себя и переселение помещиками принадлежавших им крепостных из внутренних губерний. В результате количество помещичьих крестьян на Юге постепенно возрастало, хотя удельный вес их по отношению ко всему населению края оставался невысоким. В среднем по Новороссийскому краю к середине XIX в. крепостные крестьяне составляли 25% всего населения, в Таврической губернии — 6%, а в Ставропольской — даже 2,41%³¹.

Не удивительно, что помещичье хозяйство чисто феодального типа так и не получило развития в районах Степного Юга. Испытывая постоянный недостаток рабочих рук, помещики вынуждены были чаще прибегать к найму батраков и применять усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, переходить к капиталистическим методам ведения хозяйства.

Особенностью Степного Юга было развитие купеческого землевладения. Значительное место занимали хозяйства иностранных колонистов — болгар, сербов, молдаван, переселявшихся из-за Дуная. Разумеется, хозяйства купцов и зажиточных колонистов эволюционировали по пути буржуазного развития. Допуская и даже в известной мере поощряя развитие недворянского землевладения и хозяйства, основанного на эксплуатации наемных рабочих, царское правительство само вынуждено было в своей социально-экономической политике в этом районе в известной мере отступать от крепостнических принципов.

Огромное значение имел процесс «вольной колонизации» Степного Юга, то есть заселение края беглыми крестьянами, растворявшимися в общей массе государственных крестьян. Конечно, крестьяне-новоселы, особенно самовольные переселенцы, подвергались всевозможным притеснениям и со стороны царских чиновников и со стороны помещиков, которые при попустительстве местной администрации стремились к захвату казенных земель и закреплению переселенцев. Однако в районах Степного Юга государственные крестьяне все же не подвергались столь сильной феодальной эксплуатации, как во внутренних губерниях. В то же время на Юге еще в дореформенный период наблюдался более интенсивный, чем в губерниях Черноземного центра, процесс расслоения крестьянства.

Именно для районов крестьянской колонизации на Юге были особенно характерны явления, типичные для развития буржуазных производственных отношений. Вполне понятно, что это был еще не развитый капитализм, или, по выражению В. И. Ленина, капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах³². Но остается фактом, что освоение Степного Юга еще во второй половине XVIII в. вопреки крепостническим устремлениям помещиков сопровождалось ростом капиталистических отношений, подрывавших крепостническую систему Российской империи.

Закрепление новых владений России в Северном Причерноморье было связано с судьбами Речи Посполитой, поскольку большая часть Право-

³⁰ «Журнал Министерства внутренних дел». 1847. Ч. XIX, стр. 56.

³¹ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб. 1861, стр. 49.

³² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 148.

бережной Украины находилась под властью польской шляхты. Именно это обстоятельство во многом предопределило участие царизма в разделах Речи Посполитой, а также совпадение их по времени с русско-турецкими войнами. В процессе разделов Речи Посполитой царизм преследовал завоевательные и великодержавные цели. В. И. Ленин, вскрывая крепостническую сущность и феодальные методы политики царизма в этом вопросе, писал: «Цари проводили политику аннексий, грубо обменивая один народ на другой по соглашению с другими монархами (раздел Польши, сделка с Наполеоном о Финляндии и пр.), как помещики обменивали меж собой крепостных крестьян»³³.

Однако нельзя забывать, что отход к России областей Речи Посполитой, населенных украинцами и белорусами, соответствовал национальным интересам этих народов. Перед Украиной и Белоруссией открылись перспективы экономического и культурного развития, более широкие, чем те, которые они имели, находясь под властью польской шляхты.

Следовательно, необходимо учитывать, что объективно-исторические последствия войн России в этот период не всегда и не во всем совпадали с политическими целями царизма и классовыми устремлениями русских помещиков.

Проводя свою внешнюю политику, царизм руководствовался не только социально-экономическими мотивами, но и политическими и стратегическими соображениями.

В период разложения и кризиса крепостнической системы самодержавию особенно важно было укреплять политический престиж феодального государства и личный авторитет монарха. Это достигалось не только различными мероприятиями, направленными на усиление дворянской диктатуры внутри страны, но и активными действиями на международной арене.

Вмешательство царизма в войну между Пруссией и Австрией и участие русских дипломатов в работах Тешенского мирного конгресса 1779 г. привели к тому, что статьей 16-й Тешенского трактата Россия провозглашалась гарантом условий только что заключенного мира. Это давало царизму юридическое основание для участия в германских делах в последующее время. Престиж Российской империи в глазах феодальных государств Центральной Европы необычайно возрос. Правительство Пруссии и Австрии, не говоря уже о мелких немецких княжествах, должны были считаться с усилившимся политическим влиянием царской России.

Влияние России в сфере европейской политики еще более усилилось в результате решительного выступления царского правительства против агрессивной деятельности британского флота (под флагом блокады восставших Североамериканских штатов), которая крайне стесняла морскую торговлю и мореплавание. Русские дипломаты провозгласили декларацию о вооруженном нейтралитете на морях (1780 г.), к которой присоединилось большинство европейских государств³⁴.

Иногда, впрочем, в дипломатических кругах царской России рождались и явно авантюристические проекты, рассчитанные на внешний эффект. Например, Екатерина II, преследуя цель привлечь в качестве союзника австрийского императора Иосифа II, решила поразить его грандиозностью масштабов своей внешней политики. В одном из писем к Иосифу II она выдвинула так называемый «Греческий проект», то есть раздел балканских провинций султанской Турции и восстановление на ее развалинах Византийской империи³⁵. Разумеется, ни реальных условий, ни достаточ-

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 303.

³⁴ «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами». Сост. Ф. Ф. Мартенс. Т. IX. СПб. 1892, стр. 307.

³⁵ Там же. Т. II, стр. 107.

ных сил для осуществления подобных замыслов не было. Можно предполагать, что этот химерический проект был использован Екатериной II всего лишь как орудие дипломатического воздействия на Австрию, что, однако, не помешало впоследствии зарубежным буржуазным историкам изображать «Греческий проект» русской императрицы как якобы реальную основу политики России в «восточном вопросе» для запугивания общественного мнения европейских стран жупелом «русской опасности».

В обстановке нарастающего обострения классовой борьбы внутри страны очень важно было отвлекать внимание народных масс активной внешней политикой и победоносными походами. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был ...непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями»³⁶.

С конца XVIII в. перед царским правительством выдвинулась задача активного противодействия международному революционному движению и распространявшемуся в Европе прогрессивному влиянию Французской буржуазной революции. Роль «жандарма Европы» в сфере международных отношений была естественным продолжением политики укрепления дворянской диктатуры и беспощадного подавления антифеодального крестьянского движения внутри страны. Не случайно Екатерина II говорила по адресу французских якобинцев: «Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева»³⁷.

Разрушенная Бастилия напоминала сожженные усадьбы русских помещиков, парижские санкюлоты — восставших русских крестьян. Феодальный порядок, рухнувший во Франции, начал колебаться и в России. Во имя его спасения царизм принимал участие в контрреволюционных коалициях и коалиционных войнах конца XVIII века. Эти войны велись с целью реставрации феодальных режимов там, где они были сметены буржуазной революцией, и укрепления их там, где им грозила опасность. Следовательно, войны в данном случае имели реакционный и несправедливый характер. При этом надо помнить и то, что душой всех тогдашних контрреволюционных коалиций была английская дипломатия, а самыми деятельными их участниками — австрийские и прусские бароны.

Разумеется, совсем иной характер носила Отечественная война 1812 г., которая была для русского народа оборонительной, справедливой войной за свою свободу и независимость.

Комментируя агрессивные замыслы Наполеона, русский посол в Париже князь Куракин еще в 1811 г. писал в секретной депеше, что война, которую Наполеон готовит против России, не может иметь другой цели, как сделать Россию «азиатской державой, лишить того значения, которое она имеет в Европе»³⁸.

В случае покорения России Наполеон мечтал присоединить ее войска к своей огромной разноязычной армии и двинуть их на Индию с тем, чтобы сокрушить могущество Англии и установить мировое господство Французской империи.

Нетрудно понять, что реализация подобного замысла неминуемо пресекала бы развитие тех прогрессивных тенденций, которые наметились тогда в социально-экономической и культурной жизни страны. Это была угроза национальным интересам русского и многих других народов России.

В. И. Ленин писал: «...Когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособ-

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 29.

³⁷ «Русский архив», 1878, № 9—12, стр. 172.

³⁸ Цит. по С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Л. 1956, стр. 198.

ных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»³⁹.

Именно такой национально-освободительной войной и была война России против наполеоновского нашествия в 1812 году. Конечно, царизм преследовал свои собственные и отнюдь не только оборонительные цели. Не без основания Александр I рассчитывал на то, что нападение на Россию ускорит создание новой антифранцузской коалиции и позволит ему возглавить эту коалицию, поднять на международной арене пошатнувшийся престиж царизма. Однако царизм с его погрязшим в рутине и косности военным ведомством не мог эффективно оборонять страну от нашествия Наполеона. Втрое уступающая по численности врагу русская армия была неудачно развернута, неправильно расчленена, не имела достаточных запасов продовольствия и вооружения, не имела единого командования и была обречена действовать по заведомо порочному плану, разработанному кабинетными стратегами из числа немецких военных советников царя. В результате всех этих обстоятельств враг проник далеко в глубь страны, опустошил значительную территорию и разорил Москву.

Только поднявшийся на защиту своего отечества народ спас Россию от иноземного порабощения. Опираясь на патриотически настроенную часть русского офицерства, выдающийся полководец М. И. Кутузов сумел использовать пробудившуюся активность народных масс для решения главной стратегической задачи — перехода в контрнаступление и разгрома наполеоновской армии.

Александр I и его министры, по существу, самоустранились от ведения войны в самый решающий ее период. Они не подготовили стратегические резервы для подкрепления армии Кутузова, они намеренно тормозили формирование ополчения, боясь вооружения народных масс и перерастания народной войны против наполеоновских захватчиков в крестьянскую войну против помещиков.

Московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин просил царя распустить уже собранных ополченцев, считая опасным держать под ружьем «мужиков», среди которых, по его словам, были «целые сотни... готовых идти по стопам Робеспьера»⁴⁰. Не случайно он запретил раздавать жителям Москвы хранившееся в Арсенале оружие; в результате оно досталось противнику.

Прогрессивно настроенные офицеры возмущались антипатриотическими действиями царских администраторов. «Война народная слишком нова для нас. Кажется, еще бояться развязать руки»⁴¹, — с горечью восклицал Ф. Н. Глинка. На вопрос царя о поведении дворянства во время Отечественной войны будущий декабрист С. Г. Волконский отвечал: «Стыжусь, что принадлежу к нему — было много слов, а на деле ничего»⁴².

Великую победу русского народа, одержанную в 1812 г., царизм использовал в реставраторских, реакционных целях восстановления в Западной Европе старых, феодальных порядков. Русский народ своей титанической борьбой против «двунадесяти язык» помог освобождению народов Европы от наполеоновской тирании, а русский царизм постарался тотчас же надеть на эти народы ржавые цепи феодального угнетения.

Это не может, однако, умалить значения Отечественной войны 1812 г. как мощного стимула национально-освободительного движения в Европе. Следует лишь помнить указание К. Маркса о том, что «все войны за

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 295.

⁴⁰ «Отечественная война и русское общество». Т. III, М. 1912, стр. 170—171.

⁴¹ Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера. Смоленск. 1947, стр. 15.

⁴² С. Г. Волконский. Записки. СПб. 1902, стр. 193.

независимость, которые в то время велись против Франции, носили двойственный характер: возрождения и реакции в одно и то же время...»⁴³.

Спустя сорок лет Крымская война 1853—1856 гг. еще нагляднее продемонстрировала гнилость и бессилие царской России перед лицом внешней опасности. Военная доктрина царизма потерпела в этой войне полное крушение. Даже реакционер М. П. Погодин упрекал царское правительство за то, что оно не обеспечило обороны страны и не позаботилось об оснащении своей армии лучшим вооружением⁴⁴.

Когда начатая царем война привела в результате ряда поражений русской армии к новому вторжению вражеских войск в пределы России, началась героическая эпопея обороны Севастополя. Героем Севастопольской эпопеи, как справедливо отметил Л. Н. Толстой, «был народ русский»⁴⁵.

В период от Венского конгресса 1815 г. до Крымской войны 1853—1856 гг. в системе внешней политики царизма доминировали две проблемы — борьба против революционной опасности и снова тот же «восточный вопрос». Первой проблеме царская дипломатия отдавала явное предпочтение. Доказательством может служить хотя бы то, что во имя борьбы против революционной опасности, во имя сплочения сил европейской реакции царизм не раз жертвовал своими интересами в «восточном вопросе». Достаточно вспомнить, как Александр I, не желая вызвать разлад в лагере «Священного союза», категорически отказался в 1821 г. поддерживать греческих повстанцев, хотя такое выступление, несомненно, укрепило бы политическое влияние России на Балканах. Он говорил потом французскому дипломату Шатобриану, что воздержался от вмешательства в греко-турецкий конфликт, так как в греческом восстании «усмотрел признаки революции»⁴⁶.

Очень важно отметить, что политика «жандарма Европы» — русско-го царизма — встречала полное одобрение и активное содействие правящих классов всех других государств. Царизм сотрудничал с зарубежными реакционными кругами и во время подготовки интервенции в охваченную революционным пожаром Францию в 1830 г., и при подавлении восстания в Польше в 1831 г., и в борьбе против венгерской революции в 1848—1849 годах.

Пrestиж царизма в официальных политических кругах зарубежных стран после 1815 г. непрерывно повышался. Решительность, с какой царь выполнял свои жандармские функции на международной арене, восхищала и английских лордов, и французских банкиров, и австро-немецких баронов. После 1848—1849 гг. в Германии говорили о «провиденциальной миссии» Николая I, а в Англии его сравнивали с Наполеоном I⁴⁷.

Однако это вовсе не значит, что правящие круги зарубежных государств готовы были поступиться своими интересами в пользу царской России при дележке чужих земель или разграничении сфер влияния. В этих случаях они видели в России лишь свою соперницу. Здесь уместно напомнить глубоко справедливое замечание И. В. Сталина о том, что «завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополии русских царей»⁴⁸.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. X, стр. 726.

⁴⁴ М. П. Погодин, Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М. 1874, стр. 250.

⁴⁵ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений. Т. 2, М. 1951, стр. 124.

⁴⁶ Н. Шильдер, Император Александр I. Т. IV. СПб. 1905, стр. 259.

⁴⁷ Е. В. Тарле, Указ, соч. Т. I, стр. 75—76.

⁴⁸ И. Сталин, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Журнал «Большевик», 1941, № 9, стр. 3.

Это особенно сильно сказывалось в «восточном вопросе», который по-прежнему занимал большое место во внешней политике царизма. В отличие от предыдущего периода в первой половине XIX в. его содержанием было стремление царизма к завоеванию выходов из Черного моря, усиление русского влияния на Балканах, расширение торговли со странами Ближнего и Среднего Востока. При разрешении этих задач царизм сталкивался не только с Турцией, но и с Австрией, Францией и особенно Англией, которая «была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»⁴⁹.

Как известно, английская буржуазия еще в XVIII в. расширяла колониальную экспансию в Азии, стараясь не только упрочить свое владычество в Индии, но и распространить его также на Иран и Турцию. Позднее, уже в XIX столетии, погоня за прибылью и поиски новых рынков заставили английскую буржуазию «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря...»⁵⁰. В 1830 г. было открыто британское консульство в Трапезунде. Английские купцы пытались даже учредить особую «Трапезундскую торговую компанию». Агенты английских торговых фирм осваивали старинный торговый путь из Трапезунда в Тавриз, который вел от берегов Черного моря в глубь азиатского материка. Заодно они усиленно посещали Грузию, Армению, Азербайджан, имея в виду включить и эти районы в сферу британской колониальной экспансии.

Английские промышленные изделия широким потоком наводняли рынки экономически отсталых стран Востока, вытесняя изделия промышленности других государств, в том числе и России. Слабая русская промышленность не в состоянии была конкурировать с мощной английской индустрией. В результате через десять лет после Адрианопольского мира 1829 г. русский экспорт в Иран и Турцию сократился вдвое, составив к 1839 г. всего 3 890 тыс. руб. ассигнациями против 7 995 тыс. руб. ассигнациями в 1829 году⁵¹. Недаром К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что во второй четверти XIX в. «торговое поле сражения между Россией и Англией» было перенесено к Трапезунду. Они подчеркивали, что русская торговля к середине XIX в. «ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области»⁵².

Однако английская буржуазия не намерена была ограничивать свою торговую экспансию рубежами Турецкой империи. Ее внимание привлекали Закавказье и Средняя Азия. Но экономическому завоеванию этих территорий противодействовала Россия. Поэтому правящие круги Великобритании считали ее своей соперницей.

Стремление запретить Россию в Черном море, закрыть для нее проливы, вытеснить ее из пределов Закавказья и не дать ей утвердиться в Средней Азии — такие цели ставила перед собой британская дипломатия, добываясь их в XIX в. с такой же энергией, с какой в XVIII в. старалась не допустить выхода России к берегам Черного и Балтийского морей.

Французская буржуазия не только противодействовала завоевательным устремлениям царизма, но и сама вела агрессивную политику в Европе и в Азии. После контрреволюционного переворота 1794 г. и особенно после установления во Франции военной диктатуры Наполеона Бонапарта в 1799 г. войны Французской республики превратились из оборонительных в завоевательные⁵³. В течение двух десятилетий буржуазная Фран-

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 116.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 383.

⁵¹ М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. 1949, стр. 180.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 383—384.

⁵³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 295.

ция вела захватнические войны в Европе, поработая народы других стран. Тогда же французские капиталисты усилили свою колониальную экспансию на Востоке. Так называемая «египетская» экспедиция Бонапарта, столь бесславно закончившаяся, была лишь одним из первых этапов французской агрессии в районе Восточного Средиземноморья. Позднее французская буржуазия неоднократно пыталась утвердить свое влияние в Египте, Сирии, Ливане и захватить выгодные позиции на Балканах. На Балканы стремилась и австрийская империя Габсбургов. Габсбурги всегда искали случая захватить дунайские княжества, поглотить южно-славянские земли, утвердить свое господство над народами Балканского полуострова. «...Австрия десятилетия шла на Балканы, чтобы там души...»⁵⁴.

В буржуазной исторической литературе весьма распространено представление о том, что русская дипломатия якобы всегда стремилась к разрушению Турецкого государства, а дипломаты западных держав, наоборот, отстаивали его территориальную целостность и неприкосновенность. Между тем в начале XIX в., по словам французского историка А. Вандаля, в Европе «не было кабинета, не было государственного человека, который не набросал бы проекта раздела» турецких владений⁵⁵. С такими проектами выступали и прусский министр Гарденберг и французский император Наполеон I. Правящие круги Англии переговорах о разделе Турции предпочитали внезапные и единоличные военные акции. В 1801 и в 1807 гг. английские десанты высаживались в Египте, чтобы захватить эту страну, в 1807 г. английская эскадра прорвалась через Дарданеллы в Мраморное море, чтобы утвердить контроль Англии над зоной проливов. Что же касается русской дипломатии, то как раз в первой половине XIX в. для нее нередко была более характерной тенденция к сохранению Турецкого государства при условии выполнения им своих договорных обязательств по отношению к России.

Подобную точку зрения отстаивал в 1802 г. весьма влиятельный тогда русский дипломат В. П. Кочубей — один из «молодых друзей» Александра I, входивший в состав образованного им «Негласного комитета»⁵⁶. Он исходил из того, что сама по себе ослабевшая Турция не опасна для России и будет ее «спокойным соседом», если правительство султана не поддастся влияниям других держав. В 1829 г., когда русские войска стояли в 60 км от Константинополя, такую же точку зрения высказал особый секретный комитет, созданный Николаем I для обсуждения условий мирного договора с Турцией. Этот комитет признал, что безопасность своих южных границ и укрепления влияния на Балканах Россия «удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях»⁵⁷.

Это, конечно, отнюдь не свидетельствует о «миролюбии» политики царизма, но доказывает, что не следует преувеличивать его захватнические устремления, забывая об экспансионистских замыслах других держав.

Одной из главных причин активизации царской дипломатии после 1815 г. в делах, касавшихся Ближнего Востока, было то, что тяготевшие к Черному морю районы Степного Юга играли все более заметную роль в экономической жизни России.

Благоприятная для русского сырья и хлеба конъюнктура на европейском рынке способствовала освоению южных степей и развитию черноморской торговли. За три года (1814—1817) вывоз товаров из Одессы

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 374—375.

⁵⁵ А. Вандаль. Наполеон и Александр I. Т. I. Русский перевод. СПб. 1910, стр. 6.

⁵⁶ С. Жигарев. Русская политика в Восточном вопросе. Т. I. М. 1896, стр. 256.

⁵⁷ «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IV, ч. 1-я. СПб, стр. 439.

увеличился почти в шесть раз. До 80% всего количества вывозимой из России пшеницы проходило через черноморско-азовские порты⁵⁸.

Не удивительно, что когда правительство султана в связи с греческим восстанием стало в 1821 г. препятствовать провозу русского зерна и шерсти через проливы, это сразу же повлекло резкое сокращение оборотов черноморской торговли России, вызвав раздражение среди помещиков Степного Юга. Даже нерешительный Александр I вынужден был порвать сношения с турецким правительством, хотя такой акт не встретил одобрения со стороны его партнеров по «Священному союзу». По мере того, как новый «восточный кризис», начавшийся в 1821 г., приобретал затяжной характер, русские помещики все настойчивее требовали от царского правительства более энергичной защиты их интересов на международной арене. Нельзя забывать, что среди крупных землевладельцев Степного Юга было немало царских сановников, занимавших высокие посты в центральном государственном аппарате и оказывавших непосредственное влияние на политику правительства. К их числу принадлежали граф М. С. Воронцов, владевший на Юге именьями общей площадью свыше 100 тыс. десятин, граф В. П. Кочубей, имевший там 47 тыс. десятин, военный министр А. И. Чернышев и др.

В секретном «Обзоре общественного мнения» за 1827 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф докладывал Николаю I, что помещики жалуются на трудности «сбыта продуктов земледелия», что «застой торговли в Одессе лишает соседние губернии всяких доходов»⁵⁹. По сведениям тайной полиции, среди дворян росло недовольство нерешительной внешней политикой царизма в «восточном вопросе». Бенкендорф иронически говорил о формировании среди московских дворян «партии русских патриотов»: недовольные царской дипломатией помещики возлагали всю ответственность за ее ошибки и промахи на остзейских баронов, которыми окружил себя Николай I⁶⁰.

Царь не мог не считаться с мнением дворянских кругов. Он встал на путь решительных действий в восточных делах. И когда чрезвычайный австрийский посол граф Зичи пытался удержать Николая I от выступления против султана, царь заявил, что не может больше ждать «умиротворения Греции», так как черноморские порты России не имеют выхода, русские помещики не могут свободно экспортировать свою продукцию, русские суда не имеют возможности свободно проходить через проливы⁶¹.

Это показывает, что и в первой половине XIX в. основой политики царизма в «восточном вопросе» было стремление русских помещиков к освоению южных степей и расширению черноморской торговли. При этом надо иметь в виду, что если в XVIII в. решение задачи зависело от свободного доступа к Черному морю, то теперь речь уже шла о свободном выходе из него. Тем самым перед царской дипломатией со всей остротой выдвигалась проблема режима черноморских проливов. Инструктируя одного из своих дипломатов, Николай I подчеркивал: «Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Черного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России»⁶².

Надо учесть еще одно обстоятельство. В 20—30-х годах XIX в. в России заметных успехов достигла капиталистическая мануфактура. Однако ее развитие тормозилось узостью внутреннего рынка, и при сохранении крепостного права не могло быть надежд на его быстрое расширение.

⁵⁸ «Одесса. 1794—1894 годы». Юбилейный сборник. Одесса. 1895, стр. 792.

⁵⁹ «Красный архив», 1929, кн. 6(37), стр. 164—165.

⁶⁰ Там же, стр. 145.

⁶¹ С. Metternich. Mémoires. Vol. IV. Paris. 1881, p. 482.

⁶² В. Теллов. Русские представители в Царьграде. СПб. 1891, стр. 58.

Поэтому русская буржуазия пыталась искать новые рынки на окраинах империи или в соседних экономически слаборазвитых странах Востока.

Царизм в то время еще не выражал интересов буржуазии, но в данном случае интересы русских помещиков и капиталистов совпадали. Дело в том, что освоение окраин и завоевание внешних рынков могли на время смягчить внутренние противоречия и в некоторой степени способствовать хотя бы и временному упрочению феодального строя, к чему и стремились господствующие классы России.

Поэтому не случайно царская дипломатия начала проявлять в это время особенную заботу о развитии торговли с восточными странами. Так, одновременно с заключением Туркманчайского мира 1828 г. был подписан особый торговый договор между Россией и Ираном, закреплявший за русскими купцами право свободной торговли на всей территории Ирана. В инструкции новому послу в Тегеране, А. С. Грибоедову, министр иностранных дел К. В. Нессельроде подчеркивал, что «предметом особенных пожеланий российского правительства... поставлялось всегда, чтобы россияне принимали в сей торговле непосредственное участие и чтобы отечественные произведения наши составляли большую часть сбыта в обмен на товары персидские»⁶³. Под «отечественными произведениями» в данном случае понимались промышленные изделия русских мануфактур и фабрик, экспорт которых в восточные страны тогда быстро увеличивался.

В статье 7-й Адрианопольского мирного трактата 1829 г. также специально оговаривались различные льготы для русской торговли. В этой статье провозглашалось, что «российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли»⁶⁴.

Следовательно, царские дипломаты не могли не учитывать потребностей развивавшейся русской капиталистической промышленности, которая нуждалась и во внешних рынках сбыта и в удобных путях к ним, в частности, через проливы.

Конечно, в обстановке обострившихся противоречий царской России с западными державами проблема проливов приобретала и важное стратегическое значение. От ее решения зависели безопасность черноморских рубежей страны и свобода действий русского флота, а также дальнейшая экспансия царизма на Ближнем Востоке.

Адрианопольский мир 1829 г. заметно усилил влияние России во всех делах, касавшихся «восточного вопроса». Это обусловило успех дипломатического маневра Николая I в 1833 г., результатом которого было подписание русско-турецкого договора о союзе и взаимной помощи в Ункиар-Искелесси. Восемилетний период действия этого договора был наиболее благоприятным для России в ее отношениях с Турцией в течение рассматриваемого периода.

Однако восточная политика царизма была подчинена его европейской политике, по-прежнему имевшей контрреволюционную направленность. Для сплочения реакционных сил в международном масштабе и политической изоляции ненавистной царю «июльской монархии» Луи-Филиппа, которого Николай I считал «королем баррикад», царские дипломаты сами отказались от всех преимуществ, вытекавших из Ункиар-Искелессийского договора с Турцией. Лондонская конвенция 1840 г. заменила русско-турецкий союз коллективной опекой четырех держав (Англии, Австрии, Пруссии и России) над Турецкой империей. Вторая Лондонская конвенция 1841 г. фактически закрыла русскому флоту выход из Черного моря, не дав России никакой гарантии относительно закрытия проливов в случае войны.

⁶³ «Акты Кавказской Археографической комиссии». Т. VII, № 591.

⁶⁴ ПСЗ. II собрание. Т. IV. 1829, № 3128, стр. 622.

Николай I думал, что ценой этих уступок он добьется соглашения с Англией по «восточному вопросу» или, по крайней мере, ее благожелательного отношения в случае нового русско-турецкого конфликта. В дружбе монархов Австрии и Пруссии, обязанных ему за помощь, которую он им оказал в грозный 1848 г., царь не сомневался. Но его расчеты не оправдались. С началом Крымской войны царизм оказался в состоянии политической изоляции. Английским и французским дипломатам при участии австрийских и прусских деятелей удалось превратить новую русско-турецкую войну в коалиционную войну против России. Парижский мир 1856 г. зафиксировал не только военное поражение царизма, но и крах его традиционного внешнеполитического курса. Вместе с тем неудачная и тяжелая война до крайности обострила политическое положение внутри страны, ускорила созревание революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов.

В своей восточной политике царская дипломатия делала ставку на религиозную общность и культурную близость подвластных султану и шаху христианских народов с русским народом, на их стремление к освобождению от ига мусульманских завоевателей. Конечно, сама по себе идея национального самоопределения народов всегда оставалась чуждой царскому самодержавию. Оно использовало национально-освободительные устремления народов лишь постольку, поскольку это могло способствовать реализации его собственных агрессивных внешнеполитических замыслов.

Однако некоторые внешнеполитические акции царской России объективно содействовали освобождению балканских и закавказских народов от гнета чужеземных феодалов. Процесс национальной консолидации проходил, разумеется, независимо от воли или иных политических деятелей. Этот процесс был обусловлен, в конечном счете, развитием капитализма в недрах феодальной системы восточных деспотий, где поработенные народы нередко были экономически более развитыми, чем их завоеватели. Но нельзя отрицать того, что поражения, которые терпели султаны и шахи в упорной борьбе против России, и успехи русского оружия стимулировали рост национально-освободительного движения на Балканах и в Закавказье.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что Россия взяла под свою защиту восставших сербов и «поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах (Бухарестском и Адрианопольском.— А. Ф.) внутреннюю независимость Сербии». Они подчеркивали также, что вопрос о независимости Греции был решен русской армией, вступившей «через Балканы в долину Маршья» в 1829 году⁶⁵.

Тот факт, что в результате русско-турецких войн был положен конец военно-феодальной экспансии Турецкой империи в Закавказье, имел огромное значение для дальнейшего национального развития народов Грузии, Армении и Азербайджана.

По сравнению с империями шаха и султана Россия в первой половине XIX в. была, несомненно, более развитой в экономическом отношении, переживала процесс формирования капитализма, роста крупной мануфактурной, а затем и фабричной промышленности, расширения торговых связей, увеличения городского населения. В силу особых условий исторического развития России ей была свойственна большая острота классовых противоречий и соответствующая этому напряженность идейно-политической борьбы, чем в соседних восточных и даже некоторых европейских странах. Это обстоятельство в известной мере обогащало русскую культуру, способствовало быстрому развитию научной мысли, литературы и искусства в нашей стране.

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 394.

Вследствие этого народы Кавказа и Казахстана, вошедшие в состав России во второй половине XVIII и первой половине XIX в., хотя и оказались под гнетом царских колонизаторов, но получили объективную возможность приобщения к более высоким формам хозяйственной и культурной жизни, преодоления феодальной раздробленности и патриархальной замкнутости.

В середине XIX в. не было среди революционных деятелей более последовательных и непримиримых противников русского царизма, чем основоположники марксизма. Неустанно разоблачали они агрессивную сущность царской внешней политики. Но Маркс и Энгельс признавали объективно прогрессивную роль России в исторических судьбах восточных народов. Ф. Энгельс писал в 1851 г.: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»⁶⁶.

Конечно, этим не исчерпывается вопрос о роли России в мировой истории вообще. Всестороннее и глубокое влияние на многие народы оказывала Россия народная, демократическая, Россия революционная. Русский народ играл прогрессивную роль в истории человечества, осваивая в суровых природных условиях широкие просторы Восточной Европы и Азии, разрабатывая недра Урала и Алтая, расширяя зону распространения земледельческой культуры. Многие народности Европейского Севера и Сибири переходили к оседлому земледелию под влиянием и по примеру русских хлебопашцев. Огромное прогрессивное влияние оказывала на развитие других народов освободительная борьба русского народа. До Французской буржуазной революции конца XVIII в. история Европы не знала таких массовых антифеодальных движений, каким было, например, восстание русских крестьян под предводительством Пугачева. В период, когда силы «Священного союза» подавляли революцию в Испании и Италии, русские революционеры-декабристы готовили открытое восстание против царского деспотизма и своим выступлением выявляли непрочность международной системы легитимизма. И чем активнее царизм играл роль жандарма Европы, тем большее значение приобретало для всех европейских народов русское революционное движение.

Но это уже другая тема, требующая специального рассмотрения.

Итак, в период назревавшего кризиса крепостничества характерными чертами внешней политики царизма были усиление завоевательных тенденций, порожденных стремлением помещичьего класса к развитию феодализма вширь, и контрреволюционная ее направленность, обусловленная страхом господствующих классов России перед революционными потрясениями в других странах Европы.

Царская дипломатия все менее оказывалась способной обеспечивать национальные интересы России на международной арене.

Независимо от политических устремлений царизма и прямо вопреки им Россия объективно способствовала развитию прогрессивных явлений международной политической жизни того времени, подобных национальным движениям 1812—1814 гг. и освободительной борьбе балканских народов.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.